

В. А. Томсинов

**Правовая мысль
русской послереволюционной эмиграции:
«Евразийская» теория
государства и права
Н.Н. Алексеева**

Опубликовано:

Журнал «Законодательство».
2002. № 3. С. 84–88. № 4. С. 86–90.

1

«Евразийская» теория государства и права — одно из наиболее значительных достижений той ветви русской юриспруденции, которая развивалась в 20-30-е годы XX века русскими правоведо-эмигрантами. Данная теория разрабатывалась в рамках «евразийства» — историософского учения, возникшего в первые послереволюционные годы¹ в среде русской эмигрантской интеллектуальной элиты. Основные идеологические постулаты «евразийства» были сформулированы правоведом Н.Н. Алексеевым, экономистом П.Н. Савицким, филологом Н.С. Трубецким, философом Л.П. Карсавиным, историком Г.В. Вернадским и др. «Евразийство» понималось этими мыслителями в качестве всеобъемлющей идеологии, затрагивающей самые различные сферы общественной жизни — экономику, культуру, религию, государственное управление и т.д. Она должна была, по замыслу «евразийцев», заменить собой коммунистическую идеологию в качестве господствующей в России и составить идеологическую основу новой посткоммунистической государственности. Темы сущности государства и права, организации государственной власти и правопорядка были поэтому стержневыми темами «евразийства». Их в той или иной мере касались в своих трудах все мыслители, разрабатывавшие эту идеологию². Однако по-настоящему системное изложение указанных тем дал лишь **Николай Николаевич Алексеев (1879–1964)**. Его размышления о сущности государства и права, устройстве государственной власти, изложенные в произведениях, написанных в 20-30-е годы XX века, вылились в то, что вполне можно

¹ Изложение основных концепций идеологии «евразийства» было дано в следующих книгах-манифестах: *Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев.* София, 1921; *На путях. Утверждение евразийцев.* Берлин, 1922; *Россия и латинство.* Берлин, 1923; *Евразийство. Опыт систематического изложения.* Париж, 1926; *Евразийство. Формулировка 1927 г.* Париж, 1927.

² См., например: *Трубецкой Н.С. О государственном строе и форме правления // Евразийская хроника. Вып. 8. Париж, 1927; его же. Идеократия и армия // Там же. Вып. 10. Париж, 1928; его же. Об идее-правительнице идеократического государства // Там же. Вып. 11. Берлин, 1935; Шахматов М.М. Подвиг власти (опыт по истории государственных идеалов России) // Там же. Вып. 3. Берлин, 1923.*

назвать «евразийской теорией государства и права. Эту теорию русский правовед-эмигрант создавал на базе глубокого осмысления всей истории России, опыта революционной катастрофы 1917 года, анализа сущности, организации и деятельности Советского государства.

Как и другие «евразийцы» Н.Н. Алексеев смотрел на октябрьскую революцию 1917 года в России как на вполне закономерный процесс³. Вместе с тем он был, как и все евразийцы», убежден в том, что век политического господства коммунистической партии будет в России недолгим. Это убеждение направляло его размышления в будущее, а именно: в посткоммунистическую эпоху русской истории — во времена, когда коммунистическая партия утратит политический контроль над русским обществом, когда рухнет созданная большевиками система политической власти. Сформулированная Н.Н. Алексеевым «евразийская» теория государства и права призвана была в первую очередь объяснить сущность возникшего в России в результате захвата государственной власти большевиками советского коммунистического государства. Однако, с другой стороны, она должна была способствовать решению тех политических проблем, с которыми русское общество неминуемо должно было столкнуться, по мнению «евразийцев», после краха коммунистического государственного строя.

Николай Николаевич Алексеев стал эмигрантом уже в довольно зрелом возрасте. Он родился в 1879 году — следовательно, к 1921 году, когда ему пришлось покинуть Россию, прожил уже 42 года. При этом

³ В манифесте «евразийцев» — книге «Евразийство. Опыт систематического изложения» — о смысле русской революции говорилось следующее: «Закончившая императорский период революция отнюдь не дикий и бессмысленный бунт, который бы можно было сопоставить с мятежом боровшейся с ее огосударствлением вольницы Разина и Пугачева и который будто бы прервал мирное, идиллическими красками изображаемое развитие России. Еще менее русская революция является организованным группой злоумышленников, да еще прибывшим в запломбированных вагонах, переворотом. Она — глубокий и существенный процесс, который дает последнее и последовательное выражение отрицательных тенденций, исказивших великое дело Петра, но вместе с тем открывает дорогу и здоровой государственной стихии».

его жизнь оказалась весьма бурной, наполненной событиями и духовными исканиями.

Юридическое образование Николай Алексеев получил на юридическом факультете Императорского Московского университета. На склоне лет он писал в своих мемуарах: «Я выбрал юридический факультет именно потому, что на нем я мог посвятить себя изучению того, что меня интересовало уже в гимназии — политическая экономия, экономический материализм, история, рабочий вопрос, наконец, социализм»⁴. Такие интересы в те времена обыкновенно приводили молодых людей в стан революционеров. Студент Алексеев не стал исключением из правил. В 1902 году его исключили из Московского университета за участие в студенческих беспорядках и при этом вообще лишили права обучаться в каких-либо высших учебных заведениях Российской империи. Суд назначил ему за это правонарушение шесть месяцев тюремного заключения.

После выхода на свободу Николай Алексеев отправился для продолжения образования в Германию. Амнистия 1905 года позволила ему обучаться в России, и он вернулся в стены Московского университета.

Во время учебы на юридическом факультете Московского университета определились основные направления последующей научной деятельности Н.Н. Алексеева — его интерес сосредоточился на истории философии права и государствоведении. Первой из указанных наук он занимался под руководством профессора П.И. Новгородцева, посещая созданный им кружок из молодых приват-доцентов и студентов⁵. А в государствоведении его главным учителем стал Александр Семенович Алексеев (1851–1916), ординарный профессор по кафедре государственного права, одновременно занимавший в то время должность декана юридического факультета императорского Московского университета⁶.

⁴ Алексеев Н.Н. В бурные годы // Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. Кн. 53. С. 172.

⁵ В числе активных участников данного кружка был также Иван Александрович Ильин — будущий знаменитый русский философ-правовед.

⁶ См. о нем: Томсинов В.А. Александр Семенович Алексеев (1851–1916) // Томсинов В.А. Российские правоведы XVIII–XX веков: Очерки жизни и творчества. В 3-х томах. Издание 2-е, дополненное. Том 2. М.: Зерцало-М, 2015. С. 311–321.

По окончании университетского курса в 1906 году Николай Алексеев был оставлен на юридическом факультете для подготовки к профессорскому званию по кафедре государственного права⁷. После сдачи в 1908 году магистерских экзаменов он поступил на работу в качестве гувернера в дом старшего сына Л.Н. Толстого — Сергея Львовича Толстого. Его воспитанником стал 11-летний внук знаменитого писателя — Сережа⁸.

Когда Николай Алексеев пришел в этот толстовский дом, располагавшийся в Хамовниках, его встретила супруга писателя. Софья Андреевна, вспоминал он много лет спустя, «сама ввела меня в предназначенную мне комнату, сказав: “Это была комната Льва Николаевича. Смотрите, вот здесь гвоздь, на котором он хотел повеситься во время своего религиозного кризиса, когда совсем сходил с ума”. На стене был большой черный железный гвоздь, на котором обычно вешались картины»⁹.

Рождество 1908 года Алексеев праздновал в Ясной Поляне. Он сидел за одним столом с самим Львом Николаевичем и тот однажды даже заговорил с ним. «Николай Николаевич! — громко и строго спросил писатель Алексева, — сидели ли вы в тюрьме?» Вопрос этот привел молодого правоведа-гувернера в большое замешательство.

⁷ В биографических статьях, посвященных Н.Н. Алексееву, часто утверждается, что он был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию по кафедре энциклопедии и философии права. См.: *Тараторин Д.* Николай Алексеев // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М.: Аграф, 1998. С. 626; *Альбов А.П., Масленников Д.В., Ревнова М.Б.* Николай Алексеев: между стихией и логосом // Алексеев Н.Н. Основы философии права. СПб.: Юрид. ин-т, 1998. С. 5; *Поляков А.В.* Разочарованный странник // Алексеев Н.Н. Идея государства. СПб.: Лань, 2001. С. 347. Между тем сам Николай Николаевич сообщал в своих мемуарах о том, что в рассматриваемое время он под руководством А.С. Алексева готовился к экзаменам на ученую степень магистра государственного права. «Осенью 1906 г. я был оставлен при Московском университете для приготовления к профессорскому званию со стипендией из сумм Министерства народного просвещения в 50 руб. в месяц, — вспоминал он полстолетия спустя. — Два года готовился к экзамену на ученую степень магистра государственного права — по истории политических учений и международному праву» (*Алексеев Н.Н.* В бурные годы // Новый журнал. Нью-Йорк, 1958. Кн. 53. С. 179; Кн. 55. С. 160.)

⁸ Впоследствии этот Сережа поступит учиться на юридический факультет Московского университета, и приват-доцент Н.Н. Алексеев будет его наставником в юридических науках.

⁹ *Алексеев Н.Н.* . В бурные годы // Новый журнал. Кн. 55. С. 162.

Некоторое время он молчал, не зная, что ответить, но затем пришел в себя и также громко сказал: «Сидел, Лев Николаевич, в Бутырской тюрьме, шесть месяцев». «Вот видите, — заключил Лев Николаевич, — у нас в России все порядочные люди сидели, а я не сидел — нехорошо!»

Подобно многим русским интеллектуалам начала XX столетия, литераторам, философам, ученым, Н.Н. Алексеев являлся в молодости «западником», считал Россию отсталой страной, нуждающейся в переустройстве сугубо на западноевропейских началах. Однако посещения им заграницы, в особенности Германии, способствовали излечению его от «западничества». «Должен сказать, — вспоминал он на склоне лет, — что поездка на германский “Запад” освободила меня от одностороннего русского провинциализма, но в то же время отвратила от своеобразного провинциализма европейски-немецкого. Я не нашел в Германии того, что искал, но приобрел нечто, чего не ожидал приобрести. Я убедился, что средний немец морально и духовно тупее и уже, чем средний русский человек. Отвращение возбудило во мне немецкое студенчество и немецкая военщина. В “пролетизме”, свойственном многим русским интеллигентам, я увидел более положительных задатков, чем в немецкой мелкой буржуазности. Я убедился, что немцы не могут научить нас, как делать революции, скорее мы их этому научим; но что русской распушенности во многом нужно научиться у немцев в смысле порядка, дисциплины и организованности. Поездка моя во многом меня “вропеизировала”, но в то же время **излечила от хуления России и всего русского**, весьма распространенного в нашем поколении»¹⁰. (Выделено мною. — В.Т.)

В 1908 году Н.Н. Алексеев занял должность приват-доцента в Московском университете. В 1911 году он защитил диссертацию на тему: «Науки общественные и естественные в историческом взаимоотношении их методов» и получил степень магистра государственного права.

Во время первой мировой войны Н.Н. Алексеев работал уполномоченным Всероссийского земского союза. В январе 1917 года

¹⁰ Алексеев Н.Н. . В бурные годы // Новый журнал. Кн. 53. С. 188.

он был избран экстраординарным профессором юридического факультета Московского университета, однако вследствие февральских революционных событий утверждение его в данном звании было отложено до осени. В конце концов звание это так и осталось несанкционированным высшими инстанциями. После же захвата власти большевиками все преподаватели университетов «стали называться «профессорами» без всяких высших санкций»¹¹.

Учебный 1917/1918 год был последним в педагогической деятельности Н.Н. Алексеева в Московском университете. В июле 1918 года ему удалось получить командировку за границу якобы с научной целью «изучения вопросов международного права и новейших международных отношений» и совершенно легально выехать в Германию. «Летом 1918 года, — писал Николай Николаевич в своих воспоминаниях, — у меня созрело убеждение в необходимости покинуть Советскую Россию. Я не принадлежал к числу людей, полагавших, что русский большевизм есть случайный и кратковременный эпизод русской истории. Это сознание длительности большевистского процесса при внутренней невозможности примириться с большевиками должно было толкать к попыткам устройства жизни вне Советороссии»¹². Пробыв около месяца в Берлине, Алексеев устремился на Украину, на территорию которой власть большевиков в то время не распространялась.

Осенью 1918 года Н.Н. Алексеев был избран профессором государственного права Таврического университета, организованного в Симферополе под эгидой «Белого движения». Весной 1919 года он участвовал в составе Крымского конного полка в боевых действиях против большевистских войск. С августа же указанного года работал в редакции газеты Добровольческой армии «Великая Россия», затем в отделе пропаганды данной армии.

1 марта 1920 года Н.Н. Алексеев отплыл на пароходе из Новороссийска в Стамбул, откуда перебрался в Белград. Летом 1920 года, получив приглашение занять пост начальника информационной части при штабе Добровольческой армии, он на

¹¹ Алексеев Н.Н. . В бурные годы // Новый журнал. Кн. 54. С. 160.

¹² Из воспоминаний проф. Н.Н. Алексеева // Архив русской революции, изданный И.В. Гессеном. Том 17. М., 1993. С. 170.

короткое время возвратился в Россию. После окончательного поражения белогвардейских войск в Крыму Алексеев вновь отправился за границу — на этот раз навсегда. Свою жизнь он закончит в Женеве 2 марта 1964 года.

Время пребывания на чужбине стало самым плодотворным в научном отношении периодом в биографии русского правоведа. В Праге, Берлине, Париже, Белграде, Женеве — во всех этих городах, где жил и работал Н.Н. Алексеев, издавались его книги. Этот творческий взлет не был случайным: на его родине произошли грандиозные исторические события, способные взбудоражить и самый сонный ум. Размышления над этими событиями привели к серьезным изменениям в мировоззрении русского ученого.

Подобно многим русским интеллигентам конца XIX — начала XX века Н.Н. Алексеев увлекался в молодости социализмом. Впоследствии его вера в плодотворность этого движения и учения для России несколько пошатнулась. Революционные события 1917–1918 годов в России заставили Алексеева коренным образом изменить свое отношение к данному феномену. «Основная ошибка социализма, — писал он, пребывая в эмиграции, — ошибка очень слабо осознанная современным социально-политическим сознанием, — заключается в том, что все социалистические проекты стремятся реформировать частную собственность путем изменения ее субъектов», тогда как «чтобы достигнуть истинного и плодотворного преобразования института собственности, **нужно стремиться не к изменению субъектов, но к изменению самой природы института**»¹³ (выделено мною. — В.Т.).

В капитализме же Н.Н. Алексеев разочаровался еще во время своих первых поездок в Германию, предпринятых в первые годы XX века. Неприятие капитализма и разочарование в социализме привели русского ученого к мысли о том, что для России наиболее подходящим общественным строем был бы строй, характеризующийся формулой: «**Ни капитализм, ни социализм!**», или другими словами — «система государственно-частного

¹³ Алексеев Н.Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы Евразийства. Париж, 1928. С. 62–63.

хозяйства»¹⁴. Становление такого общественного строя предполагало, по мнению Алексеева, преобразование «идейных предпосылок жизни», крушение господствующей в современном мире идеологии или духа индустриализма, что в свою очередь могло произойти только в результате «религиозного и духовного возрождения»¹⁵.

В России данное возрождение будет совершаться, считал Алексеев, в рамках «евразийства», которое «призывает к устранению капиталистического строя, исходя из утверждения преобладания духовных начал над материальными». Корни «евразийства» он видел в православной культуре русского общества, для которой высшим и руководящим идеалом всегда был идеал нестяжательства¹⁶.

В своих разработках проблем сущности государства и права Алексеев исходил в первую очередь из опыта политической и правовой истории Западной Европы и России, но вместе с тем опирался на теоретические концепции мыслителей прошлого. Немало ценного он находил, в частности, в трудах К. Маркса, несмотря на то, что в зрелые годы относился в целом к марксизму крайне отрицательно. «В отношениях между Россией и Марксом, — писал Н.Н. Алексеев, — проглядывает какая-то странная ирония судьбы. Марксизм победил в России, Россия воздвигла ему сотни памятников, украсилась его портретами. Между тем Маркс не любил Россию, ненавидел и презирал все русское»¹⁷. Говоря о статьях Карла Маркса, посвященных восточной политике западноевропейских держав и славянскому вопросу, русский ученый отмечал: «Кажется, иногда, что некоторые места из названных статей писал какой-то европейский шовинист»¹⁸.

Распространение марксизма в России Н.Н. Алексеев не считал случайным и высказывал мнение, что эта идеология имела в русском обществе свою социально-психологическую почву — ее составляло

¹⁴ Там же. С. 63.

¹⁵ Там же. С. 73.

¹⁶ См. о политическом смысле русского «нестяжательства» в книге: *Томсинов В.А.* История русской политической и правовой мысли. X–XVIII века. М.: Зерцало, 2003. С. 74–89.

¹⁷ *Алексеев Н.Н.* Пути и судьбы марксизма. От Маркса и Энгельса к Ленину и Сталину. Издание евразийцев. Берлин, 1936. С. 59.

¹⁸ Там же. С. 60.

«западничество» русского образованного слоя. «Марксизм, — отмечал он, — соответствовал настроениям русских правящих классов империи и русской интеллигенции потому, что он был видом чисто западной философии культуры»¹⁹.

Однако в послереволюционной России марксизм исчерпал себя. «Он сделал то, что ему сулила историческая судьба. Он организовал русский революционный процесс и придал ему особое социально-экономическое содержание. К марксизму теперь можно обратиться с известными словами: «Мавр исполнил свое дело, мавр может уйти». Когда он уйдет, останется одно, что, в сущности говоря, и не составляет существа марксизма; останется старая русская народническая идея построения народного, трудового, некапиталистического государства. Останется проблема, которую ставили уже все «титаны народно-революционной обороны», начиная с Смутного времени и кончая «взбунтовавшимися славянофилами». И было бы преступлением, если бы после всех страданий, всей крови и слез, проблема эта не была бы, наконец, решена»²⁰.

Вместе с тем русский ученый мыслил и другой вариант развития России после крушения коммунистической системы — вариант, состоящий в быстром и насильственном насаждении здесь капиталистических экономических отношений и духовных ценностей. Данный путь исторической эволюции посткоммунистической России Н.Н. Алексеев считал абсолютно тупиковым для русского общества. *«Когда на обломках коммунизма водворится новый капитализм, тогда здание капитализма снова будут разрушать новые социалисты и коммунисты. Замечательный исторический план, напоминающий какой-то скверный анекдот»*²¹.

2

Осмысление процессов, происходивших в первые десятилетия XX века в политической и правовой жизни западноевропейского общества, а также опыта революционных событий в России привело

¹⁹ Там же. С. 63.

²⁰ Там же. С. 103.

²¹ Алексеев Н.Н. Собственность и социализм. Опыт обоснования социально-экономической программы Евразийства. С. 82.

Н.Н. Алексеева к выводу о необходимости пересмотра всего прежнего государственоведения и построения «новой теории государства». По мнению русского ученого, этот пересмотр должен был бы охватить прежде всего методологию науки государственного права. Существовавшая в его время теория государства была разработана в основных своих чертах западноевропейскими учеными в течение XVIII–XIX столетий. Данная теория базировалась почти исключительно на материале политической истории стран Западной Европы и являлась поэтому по сути своей лишь теорией современного западноевропейского государства. «Русские ученые, вышедшие из западных школ, — отмечал Н.Н. Алексеев, — без всяких особых размышлений и без всяких оговорок перенесли построенную на Западе теорию европейского государства на русскую почву и тем самым придали принципам этой теории нормативное значение. Оттого наше государственоведение в трудах наиболее популярных его представителей (каковыми были, например, Кокошкин²² и Лазаревский²³) являлось ничем иным, как политикой европеизации русского государства»²⁴.

²² Федор Федорович Кокошкин (1871–1918), приват-доцент кафедры государственного права Московского ун-та (в 1897–1911 гг.), публицист и политический деятель. К наиболее значительным произведениям Ф.Ф. Кокошкина в области государственоведения относятся такие труды, как «Русское государственное право в связи с основными началами общего государственного права». Вып. 1–2 (М., 1908); «Об основаниях желательной организации народного представительства в России» (М., 1908); «Автономия и федерация» (Пг., 1917) и др.

²³ Николай Иванович Лазаревский (1868–1921), приват-доцент, затем профессор кафедры государственного права Санкт-Петербургского университета. Наиболее значительным его трудом в области науки государственного права стал двухтомный учебник «Русское государственное право», вышедший до 1918 г. Четырьмя изданиями. Н.Н. Алексеев писал о творчестве Н.И. Лазаревского: «Отправной его точкой было изложение западного политического строя как **н о р м а л ь н о г о**. Затем скрыто или открыто с этим нормальным строем сравнивались наши государственные институты, подвергались критике, отвержению или интерпретации в смысле соответствия институтов западного государственного права. Это был типичный пример смешения науки с политикой, — смешения, одинаково недопустимого ни с точки зрения первой, ни с точки зрения последней».

²⁴ Алексеев Н.Н. Теория государства. Теоретическое государственоведение. Государственное устройство. Государственный идеал. Издание евразийцев. Париж, 1931. С. 13–14.

Н.Н. Алексеев считал, что невозможно понять сущность государства и построить его **общую** теорию на основе лишь западноевропейской политической истории, не принимая во внимание опыта эволюции государственности в других цивилизациях. **«Курьезно “общую теорию государства” строить на опыте последних ста лет европейской истории и отбрасывать тысячелетний опыт истории других культур. Такая теория будет всем, чем угодно, но не наукой»²⁵.**

Суть своих требований к методологии современного государствоведения Алексеев выразил в следующих положениях: «1) *Наука о государстве должна освободиться от засилья в ней юридикзма; общая теория государства должна перестать отождествлять себя с общей теорией государственного права;* 2) *формальным условием такого освобождения является преодоление европейского эгоцентризма в теории государства;* привлечение в орбиту своих исследований всех возможных типов государств различных культур поможет теории государства увидеть в изучаемых явлениях такие стороны, усмотрение которых закрыто для европейских государствоведов, воспитанных в условиях утраты человеком чувства реальности государства; 3) *по существу же своих научных задач теория государства должна остерегаться применения каких-либо искусственных, конструктивных, надуманных, априорных, методологических теорий,* к которым так склонно современное учение о государстве. Государство должно быть взято во всей его богатейшей природе как непосредственный предмет умственного созерцания. К изучению государства должен быть применен тот интуитивный метод, который столь популярен в современной философии. Теория государства должна пережить конкретную целостность государства во всем богатстве ее живых проявлений, должна погрузиться в логику самой государственной жизни и почувствовать в ней истинно существенное в отличие от случайного»²⁶ (курсив мой. — В.Т.).

Главную задачу общей теории государства Н.Н. Алексеев видел в том, чтобы «путем изучения материальной стороны государства постепенно проникнуть в его идеальную природу». По его словам,

²⁵ Там же. С. 17.

²⁶ Там же.

«общая государственная наука должна выделить основные элементы государства с тем, чтобы в результате такого выделения достигнуть того идейного ядра, которое, образно выражаясь, составляет душу государства – жизненное начало его материального бытия»²⁷.

Основываясь на данной методологии, русский ученый стремился определить сущность государства, соответствующего историческим условиям и характеру евразийского культурного мира. Это евразийское государство Н.Н. Алексеев называл **«гарантийным» государством**. Он писал, что «государство именуется гарантийным прежде всего потому, что обеспечивает осуществление некоторых постоянных целей и задач, что оно является государством с положительной миссией»²⁸. «Гарантийное» государство Алексеев противопоставлял, с одной стороны, либеральному государству, выступающему всего лишь в роли «ночного сторожа, ограничивающего свою деятельность оказанием защиты при нарушении прав своих граждан, и с другой стороны, государству формальной демократии, для которого «принцип государственной деятельности определяется более или менее случайным партийным большинством, сложившимся при одной политической обстановке и могущим измениться в диаметрально противоположную сторону в любых других конкретных условиях»²⁹.

По мнению ученого, государство, призванное функционировать в рамках евразийского культурного мира, призвано выступать в роли активного организатора социальной жизни. Оно должно стремиться к тому, чтобы улучшать материальные условия существования людей, стимулировать творческую активность человека.

Н.Н. Алексеев был убежден, что евразийское государство должно обладать положительной программой деятельности, соответствующей условиям современной исторической эпохи. **Главной миссией этого государства он считал освобождение людей «от жестокостей личной борьбы за существование путем создания максимально**

²⁷ Алексеев Н.Н. Общая теория государства. Вып. 1–2. Прага, 1925. С. 22.

²⁸ Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 372.

²⁹ Там же. С. 373.

развитой материально-технической базы жизни, организации интенсивного производства необходимых благ и установления наиболее удобной системы распределения их для удовлетворения всех основных потребностей граждан, создания среднего уровня зажиточной жизни и окончательной ликвидации нищеты и бедности»³⁰. При этом ученый рассматривал указанную «материально-техническую базу жизни» в качестве средства создания подлинно духовной культуры, то есть такой, которая бы воплощала в себе «идею общечеловеческого достоинства и в то же время максимально служила бы проявлению национальных, племенных и местных особенностей населения евразийского культурного мира»³¹. Он называл такой принцип деятельности государства «принципом подчиненной экономики».

В ряд главных принципов деятельности евразийского государства Н.Н. Алексеев ставил также «**принцип положительной свободы**». В соответствии с данным принципом «государство создает максимальное количество культурных и духовных благ, предпочтение и выбор которых предоставляется свободе всех и каждого», с другой стороны, оно стремится к поддержанию условий, обеспечивающих такое положение, при котором свобода индивида не может быть использована в отрицательных целях.

Действуя на основе определенной идеологической платформы и являясь в этом смысле идеократическим, «гарантийное» государство не должно при этом принуждать своих граждан исповедовать какое-либо одно мировоззрение. «Сторонники гарантийного государства, — заявлял Н.Н. Алексеев, — отдают себе отчет в том, что исповедание какого-либо мирозерцания есть глубоко личное и интимное переживание, есть дело личного сознания и личной совести. Принуждение к такому исповеданию внешними, государственными средствами ведет всегда к чисто отрицательным результатам. Оно создает мертвую, казенную идеологию, которую люди проповедуют из-под палки, в душе своей в нее не веря и ее ненавидя. Оно приучает людей лгать, вызывает массовое лицемерие, превращает людей в носителей каких-то масок и создает глубоко подпольную психологию,

³⁰ Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве. С. 375.

³¹ Там же.

которая нам так хорошо знакома и по практике старого режима и по нравам советской России»³². По мнению Н.Н. Алексеева, «гарантийное» государство должно заботиться не о создании цельного господствующего мировоззрения, но о формировании и организации общественного мнения, соответствующего условиям той исторической эпохи, в рамках которой оно призвано действовать. Такое государство в полной мере отвечало особенностям евразийского культурного мира, в рамках которого уживались различные этносы, существовали разнообразные религии и религиозные верования.

В своих трудах по теории государства русский ученый настойчиво проводил мысль о том, что устройство и основные направления деятельности «гарантийного» государства должны быть закреплены в правовой форме. В представлении Н.Н. Алексеева «гарантийное» государство — это истинно правовое государство. Основу его конституции должна составлять не декларация прав человека и гражданина, а «Декларация обязанностей государства».

При этом Н.Н. Алексеев не отрицал индивидуальных прав и свобод граждан, но полагал, что они повисают в воздухе, если не гарантируются обязанностями государства по отношению к своим гражданам. По словам ученого, **«современные общества стоят под угрозой нового небывалого бесправия, которое тем более страшно, что вооружено всей силой современной техники и не знает ничего высшего, кроме увеличения производительности экономических сил. В такой духовной атмосфере пора снова прозвучать голосу, который бы со всей силой подчеркнул ценность идеи права, обосновав ее новыми познавательными приемами, неизвестными прошлой истории юридической мысли»**³³.

Выработанное в рамках протестантизма западноевропейское понимание личных прав Н.Н. Алексеев считал слишком узким, односторонним, поскольку в нем права личности, по существу, отрывались от ее обязанностей. **«Идея личных прав, — писал он, — должна быть с полной силой утверждена как идея чисто христианская, но право не должно быть оторвано от обязанности, обязанность должна обосновывать правомочие и сливаться в**

³² Алексеев Н.Н. О гарантийном государстве. С. 373.

³³ Алексеев Н.Н. Религия, право и нравственность. С. 98.

правоотношениях в одно органическое целое, как это и соответствует духу подлинно христианского вероучения. Построение подобного органического учения о правах личности и есть основная задача православной философии права и православной политики»³⁴.

Определяя евразийское государство как государство правовое, Н.Н. Алексеев вместе с тем подчеркивал, что «в истинно совершенном государстве, кроме права, должны господствовать также и чисто моральные силы — силы любви, дружбы, солидарности, жертвенности, служения и подвига. Если бы возможно было полное, доходящее до отождествления, проникновение государства правом, то все эти нравственные силы поистине были бы обречены на полное угасание. И это было бы в то же время угасанием государства, превращением его или в состояние принудительной тюрьмы, или в состояние неорганизованной анархии»³⁵. Свой вывод о том, что истинная государственная власть — это власть, основанная не только и даже не столько на праве, сколько на морали, ученый базировал на общепризнанном понимании государственной власти как власти публичной. Отличительной чертой всякой публичной власти является ее служение общему интересу — потребностям общества в целом. Но идея «служения» — это идея прежде всего нравственная. Отсюда и вытекает, что носители государственной власти должны в первую очередь сознавать свои нравственные обязанности.

По мнению Н.Н. Алексеева, носители высшей государственной власти стоят в таком положении, при котором они, в сущности, подчиняются лишь сами себе. «Высшей официальной власти никто не может велеть, ибо тот, кто велел бы, был бы высшей властью»³⁶. Данное обстоятельство неизбежно придает всем тем обязанностям, которые носители высшей государственной власти берут на себя, преимущественно нравственный характер. При этом не имеет большого значения, оформляются или нет эти обязанности какими-

³⁴ Там же. С. 96.

³⁵ Алексеев Н.Н. Основы философии права. Спб., 1998. С. 201–202. Данная работа Н.Н. Алексеева впервые вышла в свет в 1924 г. в Праге.

³⁶ Алексеев Н.Н. Современное положение науки о государстве и ее ближайшие задачи // Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998. С. 505.

либо официальными декларациями, конституциями или просто законами. И в том случае, если их облачают в правовую форму, они не утрачивают нравственного характера.

Н.Н. Алексеев не принимал свойственного сторонникам юридического позитивизма воззрения, согласно которому право, поскольку оно имеет дело с внешними отношениями между людьми, может совершенно игнорировать внутреннюю духовную жизнь индивидов. «Нормальная правовая система, — писал он, — должна предполагать, что установленный ею объективный порядок справедливости находит какое-то отражение во внутренней духовной жизни членов правового общения, что этот порядок согласуется как-то с справедливостью как внутренней добродетелью. И на самом деле, при нормальных отношениях, **как можно мыслить, чтобы общественная организация была устроена на началах чести, достоинства, взаимного уважения и самоопределения членов, если эти последние бесчестны, лишены чувства самоуважения, привыкли неуважительно относиться к чужим правам и склонны к постоянным оскорблениям?** Излишне говорить, что в подобном объективном порядке будет таиться тяжелая внутренняя болезнь, которую не излечат никакие внешние средства»³⁷. (Выделено мною. — В.Т.). Отсюда русский ученый делал вывод — «в нормальной и здоровой правовой системе внешнему статусу справедливости должен соответствовать внутренний статус добродетели»³⁸.

Н.Н. Алексеев рассматривал право в качестве сложного, многогранного феномена. Все определения, даваемые этому феномену теорией права и философией права, он считал слишком узкими, ограниченными. В своих трудах Алексеев показывал, что право несводимо к одному измерению, что для уяснения сущности права необходимо вообще покинуть почву определений, дав взамен их описание правовой структуры в ее основных элементах. Это описание он дал в своей книге «Основы философии права», сопроводив его критикой основных догм западноевропейской теории права.

³⁷ Алексеев Н.Н. Основы философии права. С. 121.

³⁸ Там же.

Создавая евразийскую теорию государства, Н.Н. Алексеев одновременно стремился заложить фундамент и соответствующей теории права. Ему удалось, однако, лишь наметить основные контуры этой теории.

Разработанная Н.Н. Алексеевым евразийская теория государства и права носит во многом незавершенный характер, ряд ее положений отличается умозрительностью. Тем не менее данная теория может с полным основанием считаться одним из наиболее значительных достижений русской эмигрантской юриспруденции XX века.